

Прошло некоторое время, прежде чем расфокусированный взгляд Се Сицзэ снова обрел ясность. Сун Ле обнял его:

— У тебя жар, самочувствие неважное, я сейчас же отвезу тебя в больницу.

Услышав это, Се Сицзэ поспешно замотал головой:

— Не пойду.

Он оттолкнул Сун Ле и сел на другой край дивана, отвернувшись. Голос его звучал глухо и хрипло:

— Лекарства помогут. В больницу идти хлопотно, невысокая температура скоро спадет.

Се Сицзэ чувствовал, как подступает насморк, но сдержался, не желая говорить Сун Ле, что расстроен из-за бабушки Гуйхуа.

Если сложить прошлую и эту жизнь, он был всего лишь молодым человеком, не видевшим жизни. Когда он еще ничего не понимал, он проводил родителей, а когда повзрослел — бабушку. Всю свою семью он провожал одного за другим, и в конце концов все ушли, остался только он.

В груди Се Сицзэ застрял камень. Он упрямо не хотел в больницу, боясь, что вернется оттуда, а бабушки Гуйхуа уже не будет.

— Точно не пойдешь в больницу?

— Нет.

Сун Ле пришлось принести ему горячей воды и найти жаропонижающее, следя, чтобы он его выпил.

После лекарства Се Сицзэ снова стало плохо. Он сморщился, молчал, стараясь подавить позыв к рвоте.

Он вспотел, одежда прилипла к телу. Сун Ле достал чистое полотенце и протянул ему:

— Сам вытрешь или я?

— ...Сам.

Се Сицзэ пробормотал это с неохотой, но после болезни стал гораздо послушнее. Он вытер холодный пот, заметил взгляд Сун Ле, который не отрывался от него, и надул губы:

— Мне только что хотелось вырвать.

Увидев изменившееся лицо Сун Ле, он добавил:

— Сейчас уже не так плохо. Я хочу вернуться и прилечь, а завтра встать пораньше, чтобы поговорить с бабушкой.

Пожилые люди ложились и вставали рано, просыпались в пять-шесть утра, когда еще не светало.

Он не мог позволить себе валяться в постели. Се Сицзэ опустил голову. Сейчас он чувствовал себя уязвимым, душа и тело были больны, а уязвимые люди нуждались в компании. В доме был только Сун Ле, значит, можно ненадолго положиться на него. Когда эмоции утихнут, он сможет успокоиться.

Се Сицзэ чувствовал себя подлым, как Сун Ле в прошлой жизни — то холодно, то тепло.

Сун Ле кивнул:

— Отдыхай пораньше.

Мужчина присел перед Се Сицзэ, не обращившись:

— Забирайся.

Не раздумывая, Се Сицзэ закрыл глаза и, как раньше, обхватил руками шею мужчины, ногами — талию, прижавшись головой к плечу, позволив Сун Ле отнести себя в комнату.

Сун Ле слегка подбросил его на спине и рассмеялся.

Время было раннее, около двух ночи. Се Сицзэ лег, но Сун Ле не ушел. Он подвинул стул и сел у кровати, карауля. Он укрывал Се Сицзэ тонким одеялом, видел его глаза, выглядывающие из-под одеяла, еще влажные от слез, вытер их и сказал:

— Закрой глаза, спи.

Се Сицзэ спрятался под одеяло:

— Боюсь спать.

Он боялся, что проснется, а старушки уже не будет.

Сегодня он должен был отметить веселый день рождения, но день прошел в страхе.

— Почему боишься спать? — Сун Ле задумался, вдруг вспомнил и спросил:

— Из-за бабушки?

Се Сицзэ отвел взгляд:

— Настроение плохое, снятся кошмары.

— Тогда я не уйду, посижу здесь, хорошо? — Сун Ле растаял от нежности, ладонью погладил его по волосам. Разочарование от неслышанного признания сегодня было восполнено зависимостью Се Сицзэ.

Се Сицзэ украдкой поднял глаза и, словно одержимый, спросил:

— Тебе правда я так нравлюсь?

Сун Ле в ответ задал вопрос:

— Я же говорил в начале. Если бы не любил, зачем бы настаивал на браке?

Он не удержался от возражения:

— Мы еще не поженились.

Сун Ле тихо рассмеялся:

— А если я сейчас сделаю предложение, согласишься?

Се Сицзэ ответил:

— Люди, вступающие в брак, не обязательно любят друг друга.

В последнее время он привык спорить с этим мужчиной. Сейчас, хотя и был в выигрыше, язык не повернулся сдерживаться. Будто требовал от Сун Ле доказать, как сильно тот его любит.

Сун Ле вышел в гостиную и быстро вернулся с телефоном. Се Сицзэ натянул одеяло на голову, тихо пожаловался:

— Не хочу смотреть фото.

Сун Ле объяснил:

— Но на фото ты меня любил.

Сун Ле радовался, что Се Сицзэ раньше заставлял его делать так много снимков. Иначе у него не было бы уверенности и смелости рискнуть всем ради возвращения этого человека. Каждый раз, когда Се Сицзэ отказывал ему в лицо, единственной опорой оставались десятки их совместных фото. Сун Ле использовал эти воспоминания, чтобы одурманить и загипнотизировать себя: сейчас не любит — ничего страшного, прошлый Се Сицзэ любил. Раз любил, у него есть силы ждать его возвращения.

В четыре утра Се Сицзэ снова начал видеть кошмары. Сун Ле, отдохавший у изголовья, заметил, включил свет и попытался мягко разбудить человека, попавшего в кошмар.

Се Сицзэ увидел во сне папу и маму. Они пришли повидаться, сказали, что забирают бабушку, а он должен жить хорошо. Он смотрел, как родители уводят бабушку всё дальше, пытался догнать, но никак не мог.

Се Сицзэ беспорядочно дергался, но Сун Ле крепко держал его, терпеливо и тревожно повторяя его имя.

Он был в жару, лицо в слезах. Сун Ле болело сердце, он наклонился и кончиком языка слизал слезы с век:

— Не плачь.

Се Сицзэ проснулся, тяжело дыша. Освободившись, он обессиленно опустил на кровать, но реальность сна держала его в напряжении.

Он сказал:

— Сун Ле, сколько сейчас времени...

Сун Ле посмотрел на телефон:

— Еще нет половины пятого.

Се Сицзэ решительно встал. Сун Ле спросил, куда он идет.

— Посмотреть на бабушку.

Он даже не надел обувь. Сун Ле удержал его:

— Подожди еще час, хорошо? Бабушка сейчас не проснулась.

За эту ночь Се Сицзэ так и не смог уснуть.

Сун Ле помнил, что бабушка Гуйхуа ушла через три недели после дня рождения Се Сицзэ. В эти два дня Се Сицзэ выглядел обеспокоенным, вероятно, из-за старушки.

— Нет, сейчас пойду.

Он побежал босиком, Сун Ле схватил обувь и бросился следом.

Се Сицзэ остановился у двери комнаты бабушки:

— Бабушка.

Он постучал. Дверь не была заперта, открылась с толчка.

Окно в комнате было приоткрыто лишь на узкую щель, резкий запах гниющей плоти собрался в комнате, вызывая тошноту.

Се Сицзэ подошел к кровати:

— Бабушка.

Сун Ле включил свет. Увидел, как Се Сицзэ опустился на колени у изголовья, приложил палец к сонной артерии старушки и тихо сказал:

— Бабушка ушла.

Бабушка Гуйхуа ушла внезапно, даже на три недели раньше, чем в прошлой жизни, чего Сун Ле не ожидал. Он тут же посмотрел на Се Сицзэ, боясь эмоционального срыва, но мальчик не плакал и не бунтовал, словно в оцепенении, тело начало дрожать.

Сун Ле подошел и крепко обнял его, прижавшись губами к виску:

— Не бойся, я с тобой.

Через время Се Сицзэ перевел глаза и тихо сказал:

— Сун Ле, мне холодно.

— Я обниму.

— Только что видел, как папа и мама пришли за бабушкой.

Сун Ле посмотрел на спокойное лицо старушки:

— Бабушка ушла мирно.

— Угу...

Се Сицзэ отпустил руку Сун Ле, хотел попросить помочь встать, так как ноги не слушались, но не успел договорить, перед глазами потемнело. Он упал в объятия Сун Ле, было немного холодно и немного тепло.

В семье Се случились два крупных события сразу: уход бабушки Гуйхуа требовал организации похорон, нельзя было просто бросить тело и уйти. А в такой критический момент у Се Сицзэ поднялась температура. Сун Ле дал лекарство, он не пролежал и двух минут, как уже плакал со слезами на лице, зовя бабушку.

Се Сицзэ, наверное, сам не понимал, почему стал таким уязвимым. Плакал в полубреду, не крича, просто время от времени всхлипывал, как раненый кот, убравший когти, что вызывало еще большую жалость.

Водитель видел, насколько Се Сицзэ дорог их боссу, и сам предложил:

— Босс, оставьте это мне.

Сун Ле потрогал горячий лоб Се Сицзэ, не колеблясь, поднял его и вышел наружу.

<http://bllate.org/book/16434/1489726>